

дерево, шишка, шишечка, шишонка); антропоморфный код (*барыня, матушка, сестра, кума, царица* — и *батюшко, товарищ*), при этом в рамках антропоморфного кода особо следует выделить использование имен (*Миронья, Макариха*). Зафиксирован изоморфизм внутри телесного кода, т. е. использование собственно соматизмов (*губы, губушки, борода, усы, хохол, хохолок; плоть, мясо, волосанка, плешь, голова*). Появляются квазислова (*мана, мымра, куралейка* — и *чирка, чичирочка, хундырёчек*), глоссолалии (*шайда-майда, шанта-панта, хая-вая, кунька-мунька* — и *кундрик-мундрик, хундерь-мундерь*). Некоторые эвфемизмы используются для обозначения как женского, так и мужского полового органа (*место, курица, кутька, кутюшка, мошня, мясо, плоть, член, штучка, борода* и некоторые другие).

Думается, что выявленные направления метафоризации настолько устойчивы, что их можно проследить не только на русском и общеславянском материале, но и в других языках.

К. А. Климова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
kaklimova@gmail.com

Мифологическая лексика традиционной культуры Дарнашских сел (Ном Серрес, Греция) в этнолингвистическом аспекте

Основные материалы для доклада были собраны в 2015–2018 гг. в ходе экспедиции группы студентов и преподавателей МГУ в Грецию, в Дарнашские села (Дарνακοχώρια): Эммануил-Папас (Εμμανουήλ Παπάς), Агио-Пневма (Άγιο Πνεύμα), Пентаполи (Πεντάπολη), Хрисо (Χρυσό) и Нео-Сули (Νέο Σούλι). В ходе экспедиций был собран богатый материал по этнолингвистической программе МДАБЯ, составленной А. А. Плотниковой [1996], в том числе мифологическая лексика и многочисленные тексты несказочной прозы.

В Дарнашских селах проживает преимущественно греческое население, что отличает их от многих других соседних сел региона, исторически богато заселенного разнородными этническими группами (болгары, влахи). Дарнашские легенды о возникновении сел повествуют об исконно греческом происхождении местных жителей — дарнаков [Климова, 2017]. В этих легендах фигурируют древние герои, с которыми связывают этимологию имени «дарнакас». Так, по одной из версий, предком дарнаков был сам персидский царь Дарий, который основал в этом месте первую деревню, оставив воинов персидской армии на поселение. По другой, название произошло от Дарийского царства, якобы существовавшего в раннюю эллинистическую эпоху, или от названия народа дерронов, проживавших в древности на этой территории [Οδηγός Λαογραφίας, 2006, 184]. Версия славянской этимологии не принимается греческими исследователями, поскольку за ней сразу усматривают попытку болгар представить и весь дарнашский говор, и само население славянскими [Παλακuriάκος, 1996, 107]. Наиболее распространена версия происхождения самоназвания дарнаков от греч. диал. δάρη ‘сейчас’ [Там же, 108].

Дарнашский говор относится к македонской группе северных диалектов новогреческого языка, имеющей ряд фонологических, лексических и синтаксических отличительных черт (северный вокализм с редукцией и выпадением безударных гласных, несоблюдение закона трисиллабии, использование винительного падежа вместо родительного для обозначения косвенного объекта) [подробнее см.: Σπιντιου, 1995]. На уровне лексики наблюдается большое число заимствований из южнославянских языков [см.: Чёха, 2017].

Тщательное обследование всех пяти Дарнашских сел позволило составить диалектный словарь мифологической лексики и этнолингвистические карты по лексемам со значением ‘нереида’ (Καλότρες, Διάβες, Τυμπανούδια, Νεράιδες), ‘дух, привидение’ (νησκόματα, στοιχειά), ‘змей-хранитель клада’ (τόπακας), ‘персонифицированный ночной кошмар’ (μόρα, морεάβα), ‘вампир, ходячий покойник’ (βрукόλακας, *βρόμπυρας) и ‘демон непогоды, грозовой тучи’ (λάμια), которые будут представлены в докладе.

Ситуация с распределением диалектной лексики представляется чрезвычайно интересной, поскольку для обозначения мифологических персонажей с практически идентичными характеристиками

в Дарнашских селах используются совершенно разные лексемы (например, Καλότκες, Διάβεs, Τυμπανούδια, Νεράιδες), при этом изоглоссы проходят четко по границам населенных пунктов.

В условиях компактного проживания всего местного населения (расстояния между селами составляют 3–6 км), тесного общения между жителями (браки между представителями всех пяти сел, организация совместных праздников и общественных работ) существует поразительное разнообразие диалектных лексем для определения одного общего явления в сфере мифологической лексики, которые широко используются в одном селе и почти неизвестны в соседнем.

На наш взгляд, такое специфическое распределение диалектной мифологической лексики в рамках одного микрорегиона может быть объяснено особенностями самой народной демонологии. Это закрытая система, не дающая тем для повседневных обыденных разговоров, в ходе которых мог происходить обмен диалектной лексикой, обслуживающей другие, более открытые сферы жизнедеятельности и культуры человека, такие как свадьба или календарная обрядность.

Климова К. А. Нарративы о происхождении Дарнашских сел в представлении местного греческого населения // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14 : тез. и материалы (Москва, 18–20 апреля 2017 г.) / отв. ред. М. М. Макарецв. М., 2017. С. 161–163.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.

Чёха О. В. Славянизмы в обрядовой терминологии Дарнашских сел // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14 : тез. и материалы (Москва, 18–20 апреля 2017 г.) / отв. ред. М. М. Макарецв. М., 2017. С. 113–114.

Σπιντιου Ζ. Δαρνάκικο γλωσσάρι. Σέρρες, 1995.

Οδηγός λαογραφίας 2006 — Μανωλόπουλος Ε., Βράτσιου Τ., Ομηριάδης Α. Οδηγός λαογραφίας δήμου Εμμανουήλ Παπά. Σέρρες, 2006.

Παπακυριάκος Κ. Η Κοινότητα του Αγίου Πνεύματος Σερρών // Σερραϊκά χρονικά. Τ. 12. Αθήνα, 1996.